

Наталья
Солнцева

Синдром Медеи

Мистический детектив (АСТ)

Наталья Солнцева

Синдром Медеи

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Синдром Медеи / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ»,
2008 — (Мистический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-146470-7

Девушка со странным именем Грёза получает в наследство старую питерскую квартиру, кота Никона и комплект испанских шахмат XV века. Используя красивые фигурки, она разыгрывает сценки реальной жизни и своих мечтаний на шахматной доске. Как хотелось бы, чтобы они сбылись. Жаль, несколько фигур куда-то затерялись. Неожиданно в квартире Грёзы появляется одна из них — белый король. Откуда он взялся?! Вскоре погибает соседка девушки, а сама Грёза знакомится с красивым мужчиной. Не тот ли это жених, о котором она втайне мечтает... Ей начинает казаться, что шахматы исполняют желания! Но взамен кто-то умирает. Так ли это? Или все это причуды мнительной девушки? Остановиться... или разыгрывать партию дальше? Ранее книга издавалась под названием «Испанские шахматы»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-146470-7

© Солнцева Н. А., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Дорогой Читатель!	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Наталья Солнцева

Синдром Медеи

© Н. Солнцева, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Дорогой Читатель!

Я написала уже больше пятидесяти книг.

Каждая из них – мой шаг навстречу к вам, открытие и откровение. Я пишу о мире параллельных реальностей, с которым каждый из нас, сам того не подозревая, сталкивается практически ежедневно. Просто мы привыкли не замечать его.

В моих героях вы обязательно узнаете себя и заглянете в самые сокровенные уголки подсознания.

Быть может, это станет поворотным моментом в вашей жизни.

С любовью,

Наталья Солнцева

* * *

Мир я сравнил бы с шахматной доской; То день, то ночь. А пешки? – мы с тобой. Подвигают, притиснут, – и побили. И в темный ящик сунут на покой.

Омар Хайям

Валенсия, XVII век

Весна в Валенсию приходит рано: уже в феврале расцветают апельсиновые и мандариновые деревья, с плоскогорий дует теплый ветер, и море дышит слабым запахом соли и водорослей.

Неподалеку от монастыря Святого Франциска располагалась маленькая уютная усадьба – красивый дом с каменными лестницами и фонтаном во дворе, окруженный садом. У входа росли миндальные кусты и белый шиповник. Две служанки во дворе чистили рыбу на обед для именитых гостей.

– Жалко нашу госпожу, – всплакнула одна из них. – Она была так добра к нам!

– Душа госпожи теперь в раю, – вздохнула резвая толстушка Кармела. – А что будет с бедняжкой Фернандой? Ее покровительница умерла, оставив девушку без гроша и крыши над головой.

– Фернанду выдадут замуж за богатого старика, ведь о ее красоте судачат по всему побережью. Сеньор Диего уже два раза сватался, а она ему отказывала.

Кармела отряхнула с рук рыбою чешую и кровь, вытерла ладони о фартук. Ее неряшливость раздражала пожилую служанку, но на сей раз та смолчала – не до придирок нынче. Скоропостижная смерть хозяйки повергла слуг в искреннюю печаль. Особенно все сокрушались по поводу дальнейшей судьбы молоденькой воспитанницы покойной, миловидной длинноволосой Фернанды. Смиренным нравом и приветливостью девушка снискала всеобщую любовь. Разве что хозяйский управляющий, пузатый одышливый старик, ненавидел ее. Несмотря на возраст, он обожал похотливые развлечения и норовил каждой девице нырнуть под юбку. Попытка приударить за Фернандой окончилась для сластолюбца звонкой пощечиной, сопровождавшейся залившимся хохотом дворни. Управляющий затаил на девушку злобу. Теперь, когда ее заступница беседует с ангелами на небесах, он усмирит упрямую девчонку!

Фернанда, чувствуя исходящую отовсюду угрозу – с одной стороны, посягательства управляющего, с другой – сватовство ненавистного сеньора Диего, – хотела только одного: чтобы ей позволили уйти в монастырь. Увы, об этом не могло быть и речи. Сеньор Диего пообещал за нее кругленькую сумму, и родственники покойной госпожи не захотят с ним ссориться. Они ведь почти разорены, а он богат и влиятелен.

Ночью после похорон девушка сбежала из дома, который приютил ее, захватив с собой узелок с одеждой и сундучок с шахматами, единственной вещью, подаренной ей перед смертью доброй сеньорой.

– Мои силы на исходе, – прошептала та, сделав воспитаннице жест приблизиться. – Я ухожу, Фернанда... покидаю тебя. Не плачь, дитя... Судьба смиростивится над тобой, я знаю. – Она поманила девушку пальцем, чтобы та наклонилась к самому изголовью. – Мой дом и все имущество уйдут в уплату за долги... Мне нечего оставить тебе, и потому мое сердце обливается кровью. Но у меня есть одна... реликвия, доставшаяся мне от хорошего человека...

Больная задыхалась, слова с хрипом вырывались из ее уст, а грудь судорожно вздымалась.

– Молчите... – рыдала Фернанда. – Вам нельзя говорить!

– Мне... уже можно... все. Слушай, не перебивай. Возьми шахматы, которыми мы играли... Они... принесут тебе удачу.

– Шахматы? Они же дорогие, их можно продать и... уплатить часть долгов.

Губы умирающей дрогнули в улыбке.

– Они... не продаются. Бери шахматы, они твои... по праву. Ты... скрасила мою старость, дорогая Фернанда... заменила мне дочь. Они твои. Эти... шахматы...

Больная порывалась еще что-то сказать, но удушье помешало ей. Позвали врача, но лекарства более не помогали, и к утру господь призвал к себе душу праведницы.

После кончины хозяйки девушка забрала деревянный резной сундучок с шахматами в свою комнату. Она не могла смотреть на них без слез. Все прекрасное в ее жизни закончилось

навсегда, и только эти шахматы будут напоминать ей о счастливейшей поре ее беззаботной юности.

Прижимая к груди заветный сундучок, Фернанда дождалась темноты, выбралась из окна в сад, перелезла через забор и поспешила к монастырю. Там проходила дорога, и, может быть, ей удастся уехать подальше отсюда на какой-нибудь крестьянской телеге.

Вопреки ее надеждам дорога была пустынна, залитая лунным светом, она зловеще серебрилась. Вокруг – ни души. С черного неба на девушку неодобрительно взирало ночное светило. Монастырская стена и выступающие над ней башни отчего-то вызвали у беглянки суеверный ужас. Она совершает великий грех, послушавшись старших, которым ей надлежало покориться. Она будет сурово наказана!

Стук лошадиных копыт по камням показался ей сладкозвучной музыкой – на дороге появилась крытая повозка. Фернанда радостно встрепенулась, но тут же, приглядевшись, жалась от испуга. Неужели цыганская кибитка? Цыган-фламенкос в Валенсии побаивались, у них был черный глаз, и они занимались магией, что жестоко каралось церковью. «Пришла расплата за мои грехи! – подумала девушка, волосы зашевелились у нее на голове. – Эти страшные люди уташат меня в преисподнюю, навеки погубят мою душу!» Деваться, однако, было некуда, идти одной по дороге значило стать легкой добычей для разбойников или, того хуже, насильников. Поэтому Фернанда, перекрестившись, пошла навстречу кибитке...

От усталости и волнения она почти не помнила, как забралась в повозку, примостилась на ворохе пахнущего конским потом тряпья и уснула. Старая усатая цыганка склонилась над ней, обратив внимание на сундучок. Ее глаза засверкали. Она простерла над головой девушки высохшую заскорузлую руку, и та в ужасе проснулась, отпрянула.

– Не дергайся, – сипло засмеялась старуха. – Спи. Тебе не о чем беспокоиться.

– Я не знаю, что со мной будет... – невольно призналась Фернанда. – Мне некуда идти.

– Все образуется. Хочешь узнать свое будущее? – ухмыльнулась цыганка. – Только мы, фламенкос, на завтрашний день не гадаем. Мои предки учились своему ремеслу в тайных святилищах Исида и Тота.

– К-кто эт-то? – стуча зубами, едва выговорила Фернанда.

– Великие боги Древнего Египта.

– Это все ересь... грех...

Цыганка обнажила редкие, острые, как у рыси, зубы – она то ли смеялась, то ли скорчила жуткую гримасу. В ее зрачках разгорался черный огонь. Девушка ахнула, попыталась зажмуриться, но не смогла.

– Хочешь, я же чувствую, – прошипела ужасная старуха, пригвоздив ее к месту пылающим взглядом. – Любой смертный мечтает узнать свою судьбу. Разве не интересно, что будет с тобой через десять, двадцать лет? А через два, три века?

В теле Фернанды помимо ее воли разливался сухой жар, а ноги и руки, наоборот, оледенели и потеряли чувствительность. Глаза сами собой без малейшего ее усилия закрылись, и все поплыло: цыганка словно растаяла... Кибитка растворилась в черноте ночи...

* * *

Санкт-Петербург, начало XXI века

Весна запаздывала. В Санкт-Петербурге местами все еще лежал снег. По Неве, по мутным водам мелких рек и каналов плавало ледяное крошево. Бледные фасады домов, словно написанные грязной пастелью, сонно тянулись вдоль набережной. Холодные волны плескались о заплесневелые камни. С залива дул порывистый ледяной ветер.

Грёза стояла на маленьком тесном балкончике, открытом всем дождям и мокрому снегу, и зябко поеживалась. Опять ее одолевала тоска – никуда не хотелось идти, ничего не хотелось

делать: лежать бы и лежать под ватным одеялом, слушать, как тихо, заунывно гудит газовая печка и мурлычет толстый кот Никон. Грёза кормила его куриными потрошками и мелкой рыбешкой, до которой Никон был большой охотник.

Дом, где она проживала, подлежал капитальному ремонту, и многие жильцы выселились, – остались только те, которым переезжать было некуда. Им обещали предоставить отдельные квартиры, а пока впереди маячили обшарпанные комнатухи в общежитии на краю города, куда Грёза, две глухие старушки, многодетная семья и парень-сосед переезжать отказывались наотрез.

Грёза замерзла, слегка взбодрилась и вернулась в гостиную с высоким потолком, с лепными карнизами, истертым паркетом на полу и полукруглым окном, завешенным плюшевой шторой.

– Имечко тебе родители придумали – закачаешься! – подшучивал над ней сосед. – Грёза! Что это значит?

– Мечта или призрачное видение, – отвечала она. – Папе взбрело в голову, он и назвал. Он у меня знаменитым артистом был!

На самом деле Грёза выросла в детском доме, ни папы, ни мамы сроду не знала, а жилье ей досталось в наследство от умершей пару лет назад бабульки, за которой она ухаживала. Девушка по-настоящему привязалась к старушке, полюбила ее, как родную, наполнила теплом и заботой последние дни одинокой хозяйки двух комнат с трещинами на стенах и огромной гулкой кухни с допотопной плитой, круглым столом и коллекцией закопченных керогазов.

Мебель в квартире была выдавшая виды, повсюду висели черно-белые фотографии в рамках: дети в пионерских галстуках и военные с орденами и медалями. На этажерке, на буфете, на тумбочках стояли вазы с засушенными цветами бессмертника, а выдвижные ящики шкафа и комода ломились от пыльных коробок и шкатулок, поломанных будильников, шерстяных клубков, пожелтевших журналов, фетровых шляп, старых носков и варежек, от которых разило нафталином.

Все родственники старушки погибли на фронте или умерли в блокаду, сама она чудом уцелела, но так и не избавилась от страха голода и холода, поэтому накапливала всякий хлам – от поношенной одежды до керосиновых ламп и книг с оборванными корешками.

– Гляди не выбрасывай, – поучала она Грёзу. – На растопку пригодится.

Девушка не спорила. Дряхлая и капризная Фаина Спиридоновна заменила ей семью, которой у Грёзы никогда не было. Когда одним хмурым петербургским утром старушка не смогла встать с постели, она попросила Грёзу вызвать на дом нотариуса, отписала ей все нажитое, включая квартиру, и через пару дней тихо угасла. Девушка оплакивала умершую так безутешно, словно утратила вместе с ней что-то невозвратно дорогое, чего у нее теперь никогда не будет.

Имущество старушки доброго слова не стоило, и сосед не раз предлагал Грёзе нанять машину и вывезти всю эту рухлядь на помойку. Но та не могла расстаться не только с ничемными вещами, но даже с проржавелыми керогазами и пыльной макулатурой. Ей казалось, что этим варварским действием она предаст память близкой души, разорвет ту слабую ниточку, которая все еще связывала ее с покойной.

Единственной ценностью в квартире была большая, сделанная в форме сундучка, коробка с шахматами. Каждая фигурка, изготовленная из бронзы, черного дерева, слоновой кости и перламутра, имела вид человечка в старинном одеянии. Пешки-солдаты, воины на слонах, рыцари в доспехах, звездочеты на башнях, всадники, королева-ферзь с роскошным воротником и диадемой на распущенных волосах, величественный король в мантии. Для полного комплекта не хватало четырех фигурок: черного ферзя, двух белых пешек и белого короля. Наверное, потерялись в годы войны, а может, и революции.

Грёза работала в социальной службе, получала копейки, но не роптала и не переносила недовольство жизнью на своих подопечных. Собственно, никакого недовольства она и не испытывала: крыша над головой есть, на кое-какую одежду и еду хватает – что еще надо? Годы, проведенные в детском доме, научили ее ценить одиночество и довольствоваться скудными дарами судьбы. Ей хотелось бы иметь семью, близких людей, но только если они не станут ее притеснять, навязывать свои принципы и заставлять ее делать то, что другие считают правильным.

Грёза росла в шумном, разношерстном коллективе, где каждый – от воспитанников до воспитателей и спонсоров – стремился так или иначе подавить ее индивидуальность и привить «общественную мораль». Она чудом избежала *усредненности* и сумела сохранить свое лицо. Она не хотела больше быть обязанной никому и возненавидела благотворительность. Она тяготилась коллективными празднованиями и мечтала об уединении. Она хотела сама себе покупать подарки, а не получать их из рук представителей различных фондов и церкви. Она жаждала зарабатывать на жизнь собственным трудом и не нуждаться в подачках. Она имела в душе достаточно милосердия, чтобы оказывать его другим, а не получать самой. Она невыразимо устала от сочувственных взглядов, горестных вздохов и покровительственных напутствий. По ночам ей снилась свобода – от всевозможной опеки, от чужого куска хлеба, от необходимости подчиняться и ломать себя.

Возможно, поэтому Грёза с удовольствием ухаживала за немощными стариками, которые были рады ее участию, доброму слову, нехитрой заботе и видели в ней желанного собеседника, близкого человека, призванного скрасить их печальный близкий уход. Она была их ангелом, их прощальной благодатью, и это ей нравилось. Некоторые старики имели семью, детей, которые совершенно забыли и забросили их; некоторые давно потеряли родных и отвыкли от ласки и человеческого тепла, озлобились, замкнулись, погрязли в своем одиночестве и болезнях. Все они напоминали Грёзе о милосердии и любви, в которых человек особо нуждается как в первые, так и в последние свои дни на земле. Почему приход в этот мир и уход из него наполнены болью?

Ответа на этот вопрос Грёза не знала. Как не знала она многих вещей: счастливого детства, родителей, хорошего отдыха, возможности покупать и носить красивую одежду, есть то, что хочется, а не то, что дешевле, и еще... бесчисленных естественных проявлений дружбы, понимания и принятия. У нее не было домашних животных, смешных коллекций значков или марок, альбомов с семейными фотографиями, личных игрушек, велосипеда, коньков, роликов... Легче перечислить то, чем она владела, чем то, чего судьба ее лишила. Только теперь, когда Грёза вышла из стен детского дома и получила профессию социального работника, у нее появились свои деньги, свое жилье и даже кот Никон, доставшийся ей в наследство вместе с квартирой.

Могла ли она добровольно расстаться хоть с чем-нибудь из сих благ, включая пропахший многолетней пылью и средством от моли хлам? Для нее этот ветхий, переживший свою хозяйку скарб являлся вовсе не рухлядью, а символом некоего домашнего очага, якоря, который определяет место человека в суете и лихорадке современного мира. Каждый корабль должен иметь свой причал, куда он может вернуться из любых странствий и где каждая доска, каждый проржавелый крюк и обросший водорослями камень – священны.

После смерти Фаины Спиридоновны девушка взяла на попечение двух оставшихся в доме старушек – убирала у них в комнатах, носила белье в прачечную, готовила диетическую пищу, приносила им продукты и лекарства, вызывала врача, выслушивала их исповеди, советы и жалобы, потакала их капризам.

По вечерам Грёза приходила к себе, на скорую руку готовила ужин, кормила Никона. Лежа на диване с просевшими пружинами и рассеянно взирая на экран громоздкого допотопного телевизора, она отдыхала.

– Купи себе новый телик! – неоднократно предлагал сосед. – Не хватает денег, я одолжу. Или возьми в кредит.

Парень торговал на вещевом рынке кроссовками, получал приличную зарплату и время от времени преподносил симпатичной соседке подарки – то конфет купит, то фруктов, то вина. Грёза принимала его подношения настороженно и не отказывалась только из-за старушек, которых тайком подкармливала из своих запасов. Но взять у Виктора деньги на телевизор она не решалась, а слово «кредит» вызывало у нее панический страх.

– Не надо мне телевизора, – упрямо отказывалась Грёза. – Да и смотреть нечего. Мыльные сериалы я не люблю, а от хороших фильмов только слезы проливаю. Лучше не беречь душу.

– Сходила бы куда-нибудь, – удивлялся парень ее несговорчивости. – На танцы, например. Не надоело со старыми бабками возиться да сидеть одной вечерами, как сыч в дупле? Развлеклась бы, знакомства завела!

– Зачем?

– Разве тебе не скучно?

– Нет, – отвечала Грёза, распахивая свои большие карие глаза.

Это была чистая правда. Одиночество ее не тяготило, скорее радовало. И потом, Грёза еще в детдоме избавилась от иллюзии, что, находясь среди людей, обретаешь радость общения. Наоборот – только острее чувствуется отчуждение, *разница* между ними и ею. Сверстники Грёзы интересовались простыми вещами – повеселиться, что означало выпить, закусить и попрыгать под незатейливую музыку; подыскать легкий заработок; пробежаться по магазинам; облачиться в модные шмотки; помечтать о красивой жизни, чтобы потом устроить свою по общепринятым меркам: семья, дети, работа. В лучшем случае – карьера; в худшем – рутина, заботы, болезни, бессмысленная суета, неудовлетворенность, раздражение, сигареты, алкоголь. Или совсем безнадежный вариант – наркотики.

Ухаживая за стариками, Грёза постоянно имела перед собой наглядный печальный финал бесплодно прожитой жизни. А какими они должны быть, *плоды*?

Однажды она поделилась своими мыслями с соседом. Тот слушал, озадаченно потирал затылок, посмеивался.

– Вот ты, Витя, чего от судьбы ждешь? – спросила она в заключение.

Парень долго молчал, моргая глазами.

– Имя у тебя странное, – наконец пробормотал он. – И сама ты... чудная какая-то. Думаешь, если вот так мозги себе сушить, то получишь от жизни необыкновенный подарок? Манна небесная на тебя посыплется? Или заморский принц прискачет на белом коне, предложит руку, сердце и родовой замок в придачу? Ох, и обломаешься ты, девушка! Жалко мне тебя.

Грёза умолкла и с тех пор предпочитала говорить с Виктором только на привычные темы – о бытовых неурядицах, которых в старом доме было пруд пруди; о ценах на продукты и коммунальные услуги; о погоде и здоровье. Иногда парень помогал Грёзе вывести пожилых дам на прогулку, чинил вышедшую из строя сантехнику, вкручивал лампочки, забивал гвозди и точил ножи.

– Что бы мы без тебя делали? – вздыхала она.

Оставаясь одна, Грёза запиралась в комнате и предавалась развлечению, которое придумала сама и которое весьма ей полюбилось, – доставала сундучок с шахматами, расставляла на доске изящные фигурки... передвигала их, говорила за них, разыгрывала короткие сценки. Гордые рыцари, королева, король, воины-пешки будили в ее воображении смутные картины то ли прошлого, то ли чего-то далекого, навеянного чтением желтых истрепанных журналов покойной Фаины Спиридоновны. Ей представлялись пышные балы, рыцарские турниры, гулкая темнота дворцовых коридоров, чад и копоть факелов под каменными сводами, мраморные скамейки в зарослях цветущего миндаля, тихий любовный шепот, горячие прикосновения, страстное томление в крови. Эти путешествия в сумрачный, полный волнующего ожидания

мир так увлекали молодую женщину, что она с трудом заставляла себя оторваться от магических фигурок, вернуться к привычной повседневной жизни: квартире с облупленным потолком и трещинами на стенах, к выщербленным лестницам, скрипучим полам, сырости, завыванию холодного ветра за окнами, больным капризным старушкам, беготне по магазинам, уборке, стирке, запаху лекарств и запущенного жилья, к своему беспросветному одиночеству.

– Ты же красивая! – говорил ей Виктор. – Привести тебя в порядок, приодеть, подкрасить – от мужиков отбоя не будет!

– Зачем мне это? – искренне недоумевала Грёза.

Но все же подходила к зеркалу, украдкой рассматривала себя, – оценивала придирчиво, строго. Рост нормальный, не высокий и не низкий – средний; фигура, пожалуй, слишком тонкая, худощавая. Волосы густые, цвета ореха; если их распустить, а не закалывать в тугой узел на затылке, то они шелковистой волной лягут на плечи. Шея длинная, лицо, правда, невыразительное, даже какое-то изможденное – бледное, тени под глазами, никакого намека на румянец. Зато глаза хороши – выразительные, большие, блестящие, как спелые каштаны, а вот губы... великоваты.

– Тьфу ты! – опомнившись, возмущалась Грёза. – Что это мне взбрело в голову стоять перед зеркалом и рассматривать себя, словно портрет в полный рост?! Неужто делать больше нечего?

Но странные, сладкие мысли уже закрались в ее сердце, отравили его колдовским дурманом, глупой романтикой...

* * *

Мрачный колодец серых стен, грязные стекла чужих окон и квадрат асфальта внизу – вот и весь вид во двор из квартиры Ольги Евлановой. Она уже несколько лет была прикована к инвалидной коляске, ее дни стали ужасно длинными, а ночи – нескончаемыми. У нее появилась уйма времени для раздумий, горьких или приятных.

Способность самостоятельно передвигаться Ольга потеряла в результате автомобильной аварии. Маршрутка, в которой она ехала вечером с работы, врезалась в грузовик. Ольга очнулась на снегу: ее выбросило из салона, и только благодаря чуду она осталась жива. Чудеса просто так не происходят – значит, Ольга должна была еще что-то сделать, раз судьба отвела от нее руку смерти.

Сначала лежала на больничной койке, потом заново учась двигаться в отделении реабилитации, она возвращалась мыслями к одному-единственному вопросу. Ради чего ей придется влачить жалкое существование? Что *такого* она не успела осуществить? Зачем она вернулась с того света?

Ольга перебирала свою прежнюю жизнь по капельке, по крохам, событие за событием. Если существует ответ, то он там, в ее прошлом. Месяц за месяцем, год за годом неторопливо протекали в памяти – кое-что так и не удалось восстановить подробно, но главные переживания оставили неизгладимый след в ее душе. Она удивилась, с какой силой всколыхнулось внутри прежнее, так и не остывшее, не забытое; с какой тщательностью сохранило сознание все краски, все оттенки чувств, весь восторг и... всю боль.

Ольга родилась и выросла в Питере; ничего примечательного в ее детстве и юности не было, кроме расцветающей девичьей красоты. Как стыдливый бутон розы прячется среди колючих ветвей, так Ольга скрывала свою волнуемую женственность за резкими, порывистыми манерами, неприступным видом и воинственным характером. Уже в школе мальчики пытались за ней ухаживать, а она безжалостно отвергала их знаки внимания – берегла себя для *единственного возлюбленного*, с которым она встретится, чтобы никогда не расставаться. С

этим идеалом в сердце Ольга, наверное, родилась – таким он был незыблемым, неподвластным никаким влияниям: ни чужому мнению, ни чужому опыту.

«Даже если весь мир будет существовать по иному закону, у меня все сложится только так!» – решила Ольга. И не собиралась менять свои взгляды.

Она не хотела дробить полноту любви на случайные романы, временные связи, на флирт ради флирта. Она ждала *его*, суженого! Предназначенного ей самими небесами.

Как ни банально это выглядит, Ольга познакомилась с *ним* на прогулочном катере, курсирующем по Неве. Молодой человек представился вольным художником, фотографом-любителем и попросил разрешения сделать пару ее снимков.

– У вас поэтичная внешность, – сказал он. – Как раз подходящая для этого вида на набережную. Вдалеке едва проступают сквозь туманную дымку призрачные дворцы, а на переднем плане – мечтательная незнакомка в ореоле тайны. Кто она? Чего жаждет ее измученное сердце?

– Почему «измученное»? – удивилась Ольга.

– Так надо, – усмехнулся мужчина. – Для городского романса. «Промча-а-лся без возвра-а-ата тот сладкий миг, его забыли вы!» – дурачась, пропел он. Впрочем, весьма недурно, хорошо поставленным баритоном.

– Вы певец? – сурово спросила она.

– По совместительству, – слегка поклонился забавный собеседник. – Пою в церковном хоре... то есть, пардон... в самодеятельном. Мечтал об оперной сцене, но провалился на экзаменах в консерваторию. Пришлось изучать экономику.

– У вас хороший голос, – оттаяла Ольга.

– Фэд, – представился мужчина. – Так меня зовут друзья. А вообще-то я Федор.

– Ольга... – смутилась она.

Не в ее правилах было знакомиться таким тривиальным способом. Почему она сделала для Федора исключение? Расплата не замедлила наступить.

Мужчина принял отсутствие ее возражений за согласие и защелкал фотоаппаратом.

– Ой! Не надо... – растерялась Ольга. – Я не люблю... у меня внешность не фотогеничная.

– Что вы? Наоборот! – кружил вокруг нее новый знакомый, меняя ракурсы. В объективе блесло бледное балтийское солнце, а на его лице – ослепительная улыбка. – Вы потрясающе, изумительно хороши! Да, именно и-зу-вер-ски! – с удовольствием, нараспев повторил он. – Такая красота – настоящая жестокость. Бедные мужчины! Вероятно, они как подкошенные падают к вашим ногам, раболепствуют, а вы вертите ими, как пожелаете. Помыкаете и командуете. Прекрасные женщины безжалостны по отношению к своим поклонникам!

– С чего вы взяли?

Слово за слово шутовская беседа приняла более спокойный, серьезный характер: Фэд рассказывал о себе, Ольга больше молчала, слушала. Мимо проплывал великий загадочный Петербург. Над ним витали тени знаменитых императриц и царей, эхо от поступи кавалергардских полков, грохот и пыль революций, жуткие выюги блокадной зимы, победоносный звон литавр и наводящий тоску плеск воды в мутных каналах... Никогда еще Ольга так остро не ощущала магнетического влияния этого города, взрастившего ее, принявшего в свои каменные объятия. Лунный петербургский туман исподволь проник в ее сердце, одурманил, лишил рассудка...

После речной прогулки Фэд проводил Ольгу домой на Лиговку. У подъезда, в золотистом сумраке белой ночи, он неожиданно наклонился и... поцеловал горячими губами ее холодную щеку. Между ними словно молния вспыхнула, поразила едва не насмерть. Ольга, не помня себя, отпрянула, ее дыхание остановилось... замерло, и бешеными, сотрясающими все ее естество толчками ударил в виски, взорвался в венах пульс.

Она отдышалась, очнулась только дома, оказавшись в родных стенах, не в силах охватить умом то, что произошло с ней. А может быть, ум вообще не способен постичь подобное? «Что это было? – спрашивала она у кого-то высшего, мудрого и всезнающего. – Неужели...

неужели... я встретила *его*? Если нет, то откуда этот невыносимый жар в крови, эта изнуряющая душу лихорадка, эта отчаянная жажда быть *с ним*? Это смертоносное *упоение*?»

Последующие дни протекали для Ольги в болезненном смятении. Она жила, дышала ради одного – увидеться снова, услышать еще раз *его* голос, ощутить *его* присутствие. Она не спала, не ела, похудела и побледнела... за сутки, пока не раздался долгожданный телефонный звонок.

– Это я, – просто сказал Фэд. – Пойдем, погуляем? У меня сегодня есть время.

Ольга не сразу смогла ответить: губы не слушались. С трудом выдавила что-то нечленораздельное.

– Что с тобой? – не понял он. – Не получается?

– Н-нет! То есть... да! Получается! Куда пойдем?

Эти светлые, безумные ночи промчались как одно мгновение. Обрывки пустых разговоров, неистовые, страстные объятия, долгие поцелуи, его тесная мастерская под крышей, переоборудованная из чердака, запах его кистей, красок, его ландышевого мыла, запах шерстяного пледа на тахте, где они предавались любви, – все это смешалось в сознании Ольги с разрывающей сердце нежностью, с готовностью отдать себя всю, отдать душу, жизнь.

Она жгла мосты, не оглядывалась, не смотрела в будущее – только *ему* в глаза. В двадцать лет влюбленной девушке не приходят в голову сомнения, мысли о бренности бытия, о приходящем и уходящем, о том, что благоуханный цветок увянет, когда истечет его срок, и что за сияющим рассветом ждет неумолимый закат. Который, впрочем, по-своему прекрасен!

Фэд занимался прозаической работой – вел бухгалтерию солидного предприятия. Он был гениальным счетоводом, поэтому в сравнительно молодом возрасте получил хорошую должность, и ему уже предлагали повышение. В свободное время он рисовал пастелью и маслом, брал уроки у известного художника, имя которого держал в тайне, бродил с фотоаппаратом в поисках «натуры» – интересного пейзажа, уличной сценки или необычного человека.

– Плюну я когда-нибудь на скучные цифры и стану картины писать! – восклицал Фэд. – Организую выставку, буду продавать свои работы.

На всех полотнах он изображал старый Петербург: арка над Зимней канавкой, дома на Фонтанке, на Невском, на Мойке – все в тусклом золоте северного солнца, или в дымке осенних туманов, или за пеленой летящего снега. И часто на переднем плане помещался размытый женский образ: романтический профиль, головка в старинной шляпке или стройный силуэт в длинном платье.

– Кто это? – спрашивала Ольга.

Он пожимал плечами:

– Не знаю. Кто-то...

Фэд был не только умен и талантлив, но и по-мужски красив – высок, крепок, широкоплеч, сероглаз, с крупными, правильными чертами лица, с упрямым лбом и чувственными губами. Он умел говорить комплименты, выразительно исполнял сентиментальные романсы, подыгрывая себе на гитаре, читал на память Пушкина и Апухтина, Брюсова, Блока. Он был щедр, покупал Ольге вино, фрукты и шоколад, духи, даже подарил ей золотое колечко – не обручальное, с зеленым камешком.

Если бы Ольга могла любить сильнее, то можно было бы сказать, что она все больше привязывалась к этому мужчине. Но любовь нельзя измерить. Когда любишь человека, то любишь и каждую мелочь, которая его окружает. Ольга заметила, что обожает кисти и краски, угольки, загрунтованные полотна, небрежные эскизы будущих картин, в беспорядке разбросанные по мастерской цветные мелки, гитару, пожелтевшие ноты, одежду Фэда и его привычку грызть кончик карандаша, когда он о чем-то думал. Она полюбила бродить по овеечным преданиями уголкам старого Петербурга, любоваться его каменными мостами, отражениями дворянских особняков в воде, затянутым тучами небом, пустынными ночными проспектами и одичавшими

садами. Даже ворчание Фэда по поводу бухгалтерского баланса, несговорчивости финансистов и проблем с платежами стало ей мило. Все это неразрывно связывало ее с Фэдом, было наполнено его мыслями, чувствами, отныне и навсегда слилось с ним, а значит, и с нею.

В этом сумасшедшем угаре она совершенно забыла о себе, забросила учебу, перестала звонить маме, и не потому, что была плохой дочерью, а потому, что любовь вытеснила из ее сердца все остальное, как вино, наполняющее сосуд, вытесняет из него воздух.

Возвращаясь памятью к тем благословенным, проклятым дням, Ольга словно погружалась в бушующее пламя, которое ничуть не ослабевало. Неправда, что время лечит! Может быть, к другим оно более милосердно, или от ее болезни не существует лекарства. Не придумали еще.

Ольга тоскливо вздохнула, отъехала в кресле от окна, задернула штору. Неустанные размышления о прошлом – хотя, какое же оно прошлое, если никуда не ушло, а до сих пор властвует в ее душе? – раскрыли для понимания смысл ее искалеченной жизни. Теперь она осознала наконец, чего *не сделала*. Видимо, поэтому она не погибла в катастрофе – чтобы довершить начатое.

– «Сатана там правит бал!» – прошептала она слова из арии, которую частенько напевал Фэд.

Жаль, что его не приняли в консерваторию. Какого красавца потеряла оперная сцена! Он бы и там стал первым.

* * *

Грёза задумалась, и манная каша для ее подопечных едва не сбежала.

– Ах ты, господи! – воскликнула девушка, снимая кастрюльку с огня. – Чуть без завтрака бабушек не оставила!

Она разложила кашу по тарелкам, налила две чашки чаю, размешала сахар, поставила все на поднос и понесла.

Хорошо, что все двери выходили в один коридор, как в коммуналке. Отказавшиеся выселиться жильцы по стечению обстоятельств жили на первом этаже, две обшарпанные квартиры на втором самовольно заняла многодетная семья, а третий этаж, самый аварийный, пустовал. Окна и двери там были заколочены, чтобы никто не залез, электричество и газ отрезаны, а лестница перегорожена огромным, тяжеленным ящиком со строительным мусором.

Грёза предпочитала не прислушиваться к звукам, раздающимся в пустых помещениях, – ее пугали странные шорохи, стуки и скрипы, непонятный треск, гуляющие по комнатам сквозняки.

– Там коты живут, – успокаивала ее одна из старушек. – Штукатурка обсыпается, лепнина падает. Потолки да стены никудышные, дранка, поди! И крыша небось прохудилась. Хорошо еще, не заливает. Дожди-то почти каждый день идут.

– Это дети Курочкиных бегают, – говорила вторая. – Они балованные, невоспитанные. Того и гляди, потолки провалят! А чинить никто не придет. Дом нуждается в основательном ремонте – его легче снести, чем дыры латать.

Грёза соглашалась, но все равно побаивалась. Слава богу, ей не было нужды ходить на второй этаж. И как только Курочкины там живут?

После завтрака она принималась за уборку или шла по магазинам, день протекал в хлопотах. А вечером наступало время неторопливых бесед. Старушки – их звали Варвара и Полина – собирались на одной кухне, вспоминали молодость, грустили, говорили о войне.

– Тогда ленинградцы самое ценное отдавали за горсть муки, за кусочек хлеба. Можно было состояние сделать на антикварных вещах. Мародеры проникали в пустые квартиры, брали картины, подсвечники, табакерки, часы! В наш дом попала бомба, пришлось переби-

ратся в соседний. Ох, и натерпелись мы лиха! – вздыхала Варвара. – А после войны меня здесь поселили. Жили в такой бедности, что представить страшно. Фаина, покойная, однажды простудилась – металась в жару, едва дышала, ослабела так, что ноги не держали. Ей бы питаться получше, а продавать уже нечего. Тогда я ей предложила: давай, мол, шахматы твои снесу на барахолку, может, возьмет кто? Все-таки вещь старинная, тонкой работы.

У Грёзы аж сердце сжалось от таких слов. У нее бы рука не поднялась продать шахматы – привыкла она к ним, полюбила играть фигурками, словно живыми людьми.

– Как?! – ахнула она. – Неужели Фаина Спиридоновна согласилась?

– Куда ей было деваться? – прищурилась Варвара. – Жить-то хочется! Мы ж молодые были, ничего еще не извели, не вкусили, кроме горя и слез. «Бери, – сказала Фаина, – да только вряд ли ты их продашь. Я пробовала. Не получается!» Ну, думаю, рискну, авось мне больше повезет. Завернула этот сундучок в мешковину и отправилась продавать. А Фаина-то оказалась права – никто шахматы у меня не купил. Смотрели, трогали, восхищались, цену спрашивали, потом качали головами и... уходили прочь. Я и так, и этак, совсем уже дешево стала просить за них. Не помогло! Так и вернулась несолоно хлебавши.

– Там четырех фигур не хватает, – волнуясь, произнесла Грёза. – Может, поэтому шахматы не захотели покупать?

– Как не хватает? – в один голос удивились старушки.

– Все фигуры были в сундучке, ровно тридцать две штуки. Я их посчитала, перед тем, как нести на барахолку! – добавила Варвара. – И потом, раз уж эти шахматы не захотели нас покидать, мы стали ими пользоваться: иногда от скуки садились играть.

– Да-да, – кивнула Полина. – Я их обеих научила, и Варю, и Фаю. У меня отец шахматами увлекался, просто бредил Алехиным, называл его величайшим в мире гроссмейстером. Хотел из меня сделать знаменитую шахматистку. Так что мы бы заметили отсутствие фигур!

– Полина нас постоянно обыгрывала, – горько усмехнулась Варвара. – Видно, мы эту науку толком не постигли.

– То в вашей молодости было, – возразила Грёза. – С тех пор больше полувека прошло! Фигурки могли потеряться.

Пожилые дамы переглянулись.

– Верно говоришь, – согласилась Варвара. – В молодости мы играли от скуки, а жизнь накатилась – нам не до шахмат стало. Работа, хозяйство, мужья... Пронеслось все, будто ураган, и стихло. Мужей схоронили, детей не нарожали, остались одинешеньки: Фая и мы с Полей. Опять скука! И заставила она нас садиться за шахматную доску, хоть изредка. Читать много мы уже не можем – глаза устают; телевизор смотреть тоже надоедает с утра до вечера, так мы то в картишки сыграем, то в лото, то в шашки, то в шахматы. Все же разнообразие.

– Я шашек не нашла, – пробормотала девушка.

– У Фаи, что ль? Ну, правильно. Шашки-то мои, – объяснила Полина. – И лото мое. А шахматы были у Фаины, мы к ней приходили играть. Доска большая, фигуры красивые, любо-дорого в руки взять!

Грёза задумалась. Старушки не стали бы ее обманывать. Зачем? Действительно, она не раз заставляла их то за картами, то за лото.

– Когда мы последний раз играли? – задумалась Варвара. – Кажется, года два тому назад, на Фаином юбилее. Ей восемьдесят два исполнилось. Фигуры все были на месте.

– Вы точно помните?

– Точно, – подтвердили старушки. – Шахматную партию без полного набора фигур не сыграешь.

– Но... куда же они делись?

– Ты поищи, дочка, – посоветовала Полина. – В шкафах, в комод. Может, Фаина забыла их в сундучок положить, мало ли? Она ведь болела, с головой совсем плохо было. Вот и засунула фигурки куда-нибудь. Жалко. Такие чудесные шахматы!

Они еще немного поболтали и разошлись каждая к себе. Полина и Варвара отправились смотреть очередную серию телевизионной любовной эпопеи, а Грёза – искать недостающие шахматные фигуры.

Она закрыла за собой дверь квартиры, постояла и со вздохом принялась за трехстворчатый шкаф в прихожей – он был до отказа набит всякой всячиной. Но шахмат в нем не оказалось. В комнатах дело обстояло еще хуже: этажерки, комод, книжный шкаф, тумбочки, буфет, две шифоньерки – лучше не думать об этом, а просто искать.

Грёза провозилась до пяти часов утра – безрезультатно.

– Где же они могут быть? – шептала она, методично перекладывая с места на место, с полки на полку чужие старые вещи.

Впервые ей захотелось последовать совету Виктора – собрать весь этот хлам и вынести на мусорку. Легче дышать будет. «Как тебе не стыдно? – тут же укорила она себя. – Ведь это память о Фаине Спиридоновне, единственном человеке, который позаботился о неимущей девочке».

Грёза так устала, что уснула прямо на полу, на горке одеял и ветхого постельного белья. Ее разбудил Никон – кот проголодался и начал отчаянно мяукать, требуя внимания и еды.

– Ах ты, крикун, – добродушно ворчала она, зевая. – Кушать хочешь? Ладно, пойдем завтракать.

Часы показывали восемь утра. Поспать ей удалось всего три часа, голова налилась тяжестью, все тело ныло от неудобного лежания на полу.

Грёза дала коту рыбы и поставила чайник. Кухня тоже показалась ей слишком загроможденной мебелью и посудой. Керагазы давно пора выбросить, почерневший самовар и половину кастрюль – тоже.

– Надо нам генеральную уборку устроить, Никон, – поделилась она своими планами с котом. – Ты не возражаешь?

Тот, урча от удовольствия, уписывал рыбешку за рыбешкой.

– Вот обжора! – улыбнулась девушка. – Гляди не лопни.

Сия печальная участь Никону не грозила. Он отрастил брюхо, куда могло вместиться еще много чего. Наевшись, кот занялся утренним умыванием, тщательно вылизываясь, он сверкал на новую хозяйку желтыми глазищами.

– Был бы ты собакой, – мечтательно протянула Грёза. – Сразу бы нашел пропавшие фигурки! По запаху. Что толку от твоего нюха, если его нельзя применить для пользы дела?

Никон обиженно отвернулся, тяжело поплелся к печке – спать. Смысла сказанных слов он не понял, но пренебрежительную интонацию уловил.

А Грёза не удержалась, чтобы не заглянуть в заветный сундучок. Открыла, пересчитала шахматные фигуры: вдруг, у нее затмение ума, и все они на месте? Увы, двух белых пешек, черного ферзя и белого короля как не было, так и нет. Девушка не устояла перед соблазном полюбоваться рыцарями в доспехах, всадниками, королем из черного дерева, с искусно выкованной короной и аккуратной бородкой, тщательно, волосок к волоску, выполненной неизвестным древним мастером. Но белая королева превосходила их всех – с драгоценной диадемой, распущенными по плечам локонами, в платье с узкой завышенной талией и юбкой, собранной в складки, украшенной цветной эмалью и позолотой. Ее лицо с тонкими чертами выражало кроткую нежность и чистоту.

«Ах, если бы мне превратиться в такую красавицу, хоть на миг, на одно сладкое мгновение!» – замирая от восторга, подумала Грёза. И увлеченно пустилась подбирать царственной невесте жениха. Черный король казался рядом с ней слишком старым, слишком умудрен-

ным жизнью, в его глазах таилось коварство, тогда как пехотинцы были чрезмерно юными, не способными заинтересовать такую женщину. Всадники нелепо выглядели на своих свирепых жеребцах, два воина в восточных одеждах восседали на слонах, а у рыцарей, черного и белого, были опущены забрала. Жених, прячущий лицо, не годится для королевы. Не хватало как раз белого короля, который, возможно, подошел бы для любовной игры с прекрасной дамой.

– Тебя похитила черная королева! – прошептала Грёза, воображая разговор с отсутствующим монархом. – Она заманила тебя в ловушку. Я освобожу тебя, только подай весточку о себе. Где ты? Куда скрылся?

Громкий стук в дверь испугал ее, отвлек от виртуального диалога. Неужели белый король так быстро откликнулся? Не может быть.

– Это я! – подтвердил ее последнюю мысль голос Виктора. – Откроешь?

Звонки в старом доме давно перестали работать, и жильцы привыкли стучать друг другу в двери.

Грёза поспешно смешала фигуры на доске, пошла в прихожую.

– Ты уже завтракала? – спросил молодой человек, протягивая ей коробку с пирожными. – У меня электрочайник перегорел. Давай вместе чаю попьем?

– Ладно, входи, – согласилась она. И почувствовала, что не против полакомиться эклерами с шоколадной начинкой.

Виктор окинул неодобрительным взглядом ее кухню.

– Слу-у-ушай! Ты так и не выбросила весь этот утиль? – воскликнул он. – Давай я тебе помогу, раз ты сама не решаешься.

– Может быть, потом как-нибудь...

Виктор поворчал и принялся заваривать чай. Он делал это особым способом, чтобы напиток получился крепким и душистым, а не жидким, как у Грёзы.

– Разве ты чай пьешь? – возмущался он. – Привыкла для своих старушенций готовить чуть подкрашенную водичку. Чай должен быть густым и терпким на вкус.

– Им такой нельзя.

– Ерунда! – махал рукой Виктор. – Тот же травяной настой, только называется по-другому.

На сей раз Грёза даже не стала с ним спорить. Ее занимал вопрос о шахматах.

– Виктор, – начала она, – а ты... в шахматы умеешь играть?

Тот удивленно поднял на нее глаза.

– Ну... не очень. У меня приятель есть, он в шахматный клуб ходил. Пытался и меня научить, даже шахматы подарил на день рождения, чтобы я дома тренировался, но у него терпения не хватило. И вообще, шахматы – не для меня! Я предпочитаю волейбол или рыбалку.

– Расскажи мне о шахматных фигурах, – попросила Грёза. – Подробно.

– Что у тебя за интересы какие-то... стариковские? Бабок своих решила развлекать? Для пенсионеров шахматы в самый раз, а ты же молодая девчонка...

Он откусил большой кусок пирожного и вынужденно замолчал, пережевывая его. Грёза попробовала чай.

– Горький... мне не нравится. Так расскажешь о фигурах?

– И чего они дались тебе? – с набитым ртом пробормотал Виктор. – Не помню я...

– Подожди-ка!

Грёза сбегала в комнату, сложила шахматы в сундучок и принесла их в кухню, выложила на стол, расставила на доске. Парень с недоумением наблюдал за происходящим. Пожалуй, надо проявить интерес, а то соседка совсем разобидится.

– Ух ты! – Виктор отложил пирожное и потянулся к фигуркам. – Какие странные! Красивые... старинные, видать. Небось кучу баксов стоят, если отнести в антикварный магазин.

– Руки вытри сначала, – серьезно сказала девушка, подавая ему полотенце.

– От Фаины остались? – спросил он, послушно вытирая руки. – Надо их продать. Тебе деньги нужны: телик купишь, одежду на зиму, сапоги теплые.

– Они не продаются, – отчего-то перешла на шепот Грёза. – Они – заколдованные!

Брови Виктора поползли вверх.

– Чего-о-о? Совсем рехнулась, девочка?

Он ухаживал за Грёзой, только она этого не замечала. Девушка принимала его знаки внимания за дружеское расположение. И частенько своей наивностью, своим нелепым упрямством выводила Виктора из себя. Чего ей надо? Сама без гроша за душой, возится с больными стариками, никакой карьеры ей не светит, никакой жизненной перспективы, а туда же, носом крутит! Не понимает своей выгоды! Удивительно, как это Фаина ей квартиру отписала, бессребренице. Да и то... дареные «хоромы» доброго слова не стоят. Дом аварийный, чудом не развалился еще. Разве что новое жилье дадут? Так ведь Грёзу обмануть – раз плюнуть! Переселят ее принудительно в какую-нибудь однокомнатную «хрущобу», она и пикнуть не посмеет.

Виктор внутренне распалялся, а соседка опасливым шепотком рассказывала ему историю заколдованных шахмат. Четыре фигурки, доскать, загадочным образом исчезли, а когда сундучок носили на продажу, покупателя не нашлось.

– Каких фигур не хватает? – сдерживая смех, спросил Виктор. Хотя на доске и так вырисовалась ясная картина: не было одного короля, ферзя и двух пешек. – Ну и ну! Зловещее предзнаменование.

– Я боюсь, – легко поддалась на эту уловку Грёза, полностью оправдывая в его глазах образ бестолковой дурехи. – Эти шахматы очень на меня влияют. Просто ужасно, как я к ним привязалась. Что ты думаешь, скажи?

Виктор важно кивнул, согласился с тем, что шахматы не простые и наверняка имеют мистические свойства. А пропажа фигурок – особенно подозрительный знак.

– Вот, смотри, – говорил он. – Пешки вообще-то должны быть одинаковыми, а они все разные, с разными лицами и телосложением. Одни крепкие, широкие, другие – стройные. Ладьи сделаны в виде колесниц и башен. Слоны, или офицеры, тоже разительно отличаются: два изображены восточными воинами, верхом на слонах, а другие два – рыцарями в изукрашенных доспехах. Только кони-всадники похожи на четырех близнецов. Все это наводит на страшные предположения! – Виктор нахмурился и закусил губу.

– Ка... какие предположения? – побледнела Грёза.

А он, весьма довольный произведенным эффектом, продолжал:

– Я гадать не буду, жизнь покажет. Думаю, в ближайшее время нас ждут неприятные сюрпризы. Первый уже на подходе.

– Ты что-то знаешь? Говори!

Виктор еще немного ее помучил и тоном заговорщика сообщил «зловещую» новость:

– Ходят слухи, что наш дом собираются продать в частные руки, – понизив голос, произнес он. – Нового хозяина, вероятно, обяжут всех расселить. Если будешь хлопать ушами, получишь жалкую каморку в паршивом районе. За тебя, похоже, словечка замолвить некому!

Грёза отпрянула, прижала руки к груди.

– Ой! Как же мне быть?

– Держись меня, – посоветовал сосед. – Я не дам тебе пропасть.

Шутит он, что ли? Грёза не знала, огорчаться ей или радоваться.

* * *

– Ну, трогай, Сеня, – вальяжно расположившись на кожаном сиденье «Мерседеса», велел водителю господин Ирбелин. – Посмотрим объект, прикинем – брать или не брать.

Машина почти бесшумно помчалась по мокрому асфальту и неожиданно быстро доставила потенциального покупателя к построенному больше века назад дому. Три этажа: на первом и втором – высокие окна с полукруглым верхом, балкончики с каменной балюстрадой, на третьем окна маленькие, с лепными карнизами; над ними старая крыша с кирпичными трубами; внизу огромная, ветхая дверь в единственное парадное, две выщербленных колонны у входа; облупленная штукатурка, цвет которой уже невозможно определить. На козырьке сидят вороны, косятся на приехавших.

Представительный господин молча вышел из автомобиля, окинул строение профессиональным взглядом – состояние плачевное, но, если вложить солидные средства, получится уютный особнячок в старинном духе. Можно будет открыть в нем бизнес-клуб с элитным рестораном, курительной комнатой, бальным залом, бильярдной, маленьким антикварным салоном для избранных. Идея приобрести дом для клуба Ирбелину понравилась. Место тихое, рядом сквер, и высотные дома не обступают сие некогда весьма приличное, а ныне обветшалое дворянское жилище, как великаны, с любопытством толпящиеся вокруг гнома.

– Идем, – подозвал он шофера, выполнявшего по совместительству и роль телохранителя. – Хочу внутри поглядеть.

В воздухе висел молочно-серый туман, пахло сыростью, дымом большого города. Накрапывал мелкий дождь.

– Зонтик нужен? – спросил молодой человек.

Хозяин жестом отказался, зашагал к подъезду.

Ирбелин любил покупать и перепродавать недвижимость – это было превосходным вложением капитала. Через два-три года такой отреставрированный особнячок с хорошей внутренней отделкой можно будет легко и прибыльно сбыть какой-нибудь иностранной фирме или своему же собрату российскому бизнесмену для офиса либо иных целей. Да и самому попользоваться с выгодой не помешает.

Ирбелин был состоятельным человеком, но лишних денег, как известно, не бывает. И чем ему заниматься, как не приумножать нажитое. Зачем? А ради спортивного интереса! В мужчине с молодых ногтей силен дух соперничества, состязания – кто ловчее, кто умнее, кто сильнее, кто быстрее. Побить рекорд, прийти к финишу первым, получить награду. Только какие награды раздает победителям жизнь? И какой у нее финал? О-о-о! В последние годы Ирбелин все чаще задумывался об этом. Ответ вроде бы лежал на поверхности... а соглашаться с ним не хотелось. Никак не хотелось.

Ирбелин дважды был женат, и оба раза неудачно. Первая супруга оказалась примитивной самкой, которую интересовали две вещи: постель и магазины. Она превратила их совместное существование в изнурительный сексуальный марафон – постоянно неудовлетворенная, она требовала от мужа новых изощренных ласк и чуть не превратила его в импотента.

– Ка-а-ак? Ты больше не можешь? Но, дорогой... не приглашать же мне мальчиков по вызову?! Есть средства, наконец! Виагра, «золотой дракон». Сходи на прием к сексопатологу.

В свободное от секса время жена отправлялась по бутикам – скупать все, на что взгляд упадет. Их квартира походила на склад: шкафы ломились от ненужной одежды, в них хозяйничала моль; мебель загромождала комнаты и покрывалась пылью, а холодильник трещал от продуктов, срок годности которых давно истек.

Любые попытки Ирбелина направить неумную энергию супруги в конструктивное русло встречали решительный отпор.

– Ты не можешь доставить мне удовольствие в постели и начинаешь меня притеснять! – вопила она. – Это жалкая, недостойная мужчины месть! Ты срываешь на мне зло, тогда как тебе просто нужно лечить половое бессилие!

Он плюнул и оставил ее в покое, пусть делает, что хочет. Но она не собиралась следовать его примеру.

– Вот, учись! – требовала жена, тыча ему под нос очередное пособие по любовным играм. – Это «Камасутра», я попросила у подружки специально для тебя. А это – «Тантрический секс».

Ирбелин проклинал тот день, когда решил жениться на ней. Он сделал это из-за карьеры. Будущий тесть был очень влиятельным человеком, чиновником высшего ранга и при ближайшем знакомстве намекнул: хочешь оказаться на верхних ступеньках служебной лестницы – сватайся к моей дочери. Ирбелин с детства отличался сообразительностью и не упустил своего шанса. Потом пришлось терпеть, пока принесенная им жертва оправдывает себя. Но всякому терпению приходит конец.

Тесть сдержал обещание, и через полгода после свадьбы Ирбелин получил новое назначение. У него дух захватило от открывающихся перспектив. Делая стремительную карьеру, он старательно ублажал супругу, которая становилась все ненасытнее, все требовательнее. Когда при ее приближении у Ирбелина стало сводить челюсти, а эрекция пропадать, он задумался о разводе. Стоило ему представить, как она ластится к нему, судорожно дыша от возбуждения, как к горлу подступала тошнота, а либидо моментально испарялось.

Нежданно-негаданно тестя хватил удар, его дочурка осиротела, а перед Ирбелиным забрезжил призрак свободы. Именно так – не сама свобода, а лишь ее тень.

Развод дался ему нервами и кровью, но он выдержал, прошел через суды, скандалы, которые закатывала теща, через истерики жены – не сдался, отстоял свою независимость и обрел статус разведенного мужчины. Благо к этому времени Ирбелин забрался по иерархической вертикали так высоко, что семейные дразги не смогли его сбросить оттуда.

Разбогатев, отведав «сладкой жизни», преуспевающий бизнесмен снова женился. Теперь уже не по расчету, а по сердечной склонности. Впрочем, не совсем так...

Вторая его супруга, молоденькая провинциальная девчушка с точеной фигуркой и наивным кукольным личиком, казалась полной противоположностью первой. Она была равнодушна к сексу, слегка робела перед взыскательным, презентабельным мужем – увы, только на первых порах. Напрасно Ирбелин надеялся, что эта юная, неопытная женщина будет податлива и он сможет вылепить из нее спутницу жизни по собственному вкусу. Не тут-то было! Через несколько лет сия обманчиво кроткая дева превратилась в холодную, скрытную стерву. Ирбелин поймал себя на том, что опасается есть и пить с ней за одним столом. А ну как девица подсыплет какую-нибудь отраву в его чашку кофе или тарелку супа? Похоже, он не интересуется женой ни как мужчиной, ни как человеком – ее привлекли деньги, заманчивый шорох купюр. И ради денег она пойдет на все.

К несчастью, родители Ирбелина уже умерли, он был поздним ребенком, единственным сыном, братьев и сестер не имел, детьми не обзавелся. Любвеобильная первая жена ни разу не забеременела, фригидная вторая тоже не собиралась дарить ему наследника. Она сама хотела унаследовать все, что он заработал. Она могла ускорить процесс.

– Проклятие, что ли, лежит на мне?! – в отчаянии воскликнул Ирбелин, подавая на второй развод. – Что за женщин я веду под венец?! Одна оказалась кошкой, у которой вечный март, а вторая... даже не знаю, как ее назвать. Но засыпать рядом с ней мне неудобно. Нет уверенности, что проснусь в добром здравии!

Покончив со вторым браком, Ирбелин с головой погрузился в бизнес. Последние годы он посвятил операциям с недвижимостью...

– Осторожнее, – предупредил его телохранитель, прерывая некстати нахлынувшие мысли. – Здесь лестница старая, ступеньки доброго слова не стоят.

Ирбелин опомнился, приступил к осмотру внутреннего состояния дома – все придется переделывать, это ясно, но игра стоит свеч. Из обветшалой постройки получится прекрасное помещение для клуба. Все лишние перегородки снести, соорудить широкую мраморную лестницу, большой зал с паркетным полом; форму окон первого этажа можно не менять: они будут

придавать зданию вид аристократического особняка. Картинки изысканного интерьера, одна ярче другой, замелькали в натренированном воображении покупателя.

– Какой я молодец! – похвалил себя Ирбелин. – Не пропустил важное сообщение.

Объявление о выставленном на продажу объекте, пришедшем в негодность жилым домом в одном из старинных уголков города, появилось на сайте его фирмы «Перун» в отделе предложений. Анонимный агент, как нередко случалось, обращал внимание потенциального клиента на «лакомый кусочек», который может достаться его конкурентам. Автор объявления не назвал себя – вероятно, из предосторожности, чтобы не вызвать гнев других заинтересованных лиц. Или по другим, неизвестным Ирбелину мотивам. Какая разница? Главное, дом полностью оправдал ожидания.

– Сколько здесь жильцов, узнали?

Телохранитель заглянул в блокнот.

– Георгий Иванович все написал. Минуточку... вот! Две старушки, девица и парень, еще самовольно вселившаяся многодетная семья Курочкиных.

– Девица и парень вместе обитают? – брезгливо скривился Ирбелин.

– Нет.

– Это хуже. Придется где-то изыскивать четыре отдельные квартиры. С Курочкиными будет просто – вытряхнем их отсюда, и дело с концом.

Сеня, огромный, с широченной спиной и плотным коротко стриженным затылком парень, согласно кивнул. Выставить «захватчиков» не составит труда, с остальными надо договариваться.

– Наверх не пойдем, – вздохнул Ирбелин. – Там совсем разруха. Да и картина, в общем, понятна.

Он лениво прошелся по коридору, заставленному всякой всячиной, от поломанного велосипеда до отслужившей свой срок детской коляски, и набрал номер наемного директора агентства «Перун», приглушенно заговорил:

– Георгий Иванович, начинай переговоры с районной администрацией. Пожалуй, мы приобретем этот домик, если найдем общий язык.

В этот момент одна из дверей, обитых подранным дерматином, открылась, и в коридор выпорхнула молодая женщина в теплой шерстяной жилетке и войлочных тапочках. Эти тапочки особенно поразили Ирбелина. Неужели в таких еще кто-то ходит? Он поднял глаза на обладательницу потертых тапочек и... обомлел.

* * *

Темный двор-колодец, куда выходили окна ее квартиры, напоминал Ольге Евлановой, во что превратилась теперь ее жизнь. Серый клочок неба вверху – это все, чего она заслуживала. Даже в погожие дни солнце отказывалось заглядывать сюда.

Хорошо, что мамы больше нет и она не страдает. Видеть свою дочь в инвалидной коляске, в одиночестве прозябающей на жалкую пенсию и скудный надомный заработок, было бы выше ее сил. А ведь какие Ольга подавала надежды! Ее ум, ее редкая, изысканная красота могли обеспечить ей роскошное будущее. Если не удачную карьеру, то блестящее замужество. Мама искренне в это верила.

– Оля, – говорила она, любуясь дочерью. – Щедро тебя судьба одарила, смотри не упusti своего счастья! Таким богатством нужно распорядиться достойно. У меня жизнь не сложилась, так хоть ты возьми от нее все! За нас обеих.

– Не сумела я, – беззвучно шептала Ольга, и слезы медленно катились по ее бледным щекам. – Растранижила твое наследство, мама... пустила по ветру.

Сначала казалось: вот оно, обещанное блаженство – или греховная услада, – само в руки упало, будто звезда с неба. Ан нет, не сбылись пылкие мечты, обманули золотые сны, полные любовного дурмана. Поманили, увлекли да и бросили. Налетел безжалостный, ледяной ветер, сорвал душистый цвет с яблоневого сада, сбил нежные лепестки на сырую землю, а люди втоптали их в грязь...

– Любовь! Бессмысленная вещь... – сказал ей Фэд на прощанье. – Что ж ты так убиваешься, Оля? Я думал, мы для радости сошлись, с радостью и разойдемся, с благодарностью за доставленное друг другу удовольствие. А ты рыдаешь, как на похоронах! Ты что, хотела меня женить на себе? Ну, прости, не знал. Я бы тебя заранее предупредил, что вольные птицы гнезд не выют. Разве я обещал тебе что-нибудь?

– Не обещал...

– Тогда вытри слезы и улыбнись!

Как она смогла тогда, корчась от невыносимой муки, выдавить фальшивую, горькую улыбку? Как у нее хватило выдержки не завывать страшно, во весь голос, смертельно раненой волчицей не броситься на него, не загрызть? Ах, как бы она свела свои челюсти на его теплой, гладко выбритой шее, как бы опьянела от его крови! Так же, как пьянела, теряла рассудок от его жарких поцелуев, от его страстного шепота...

Первые пять лет после разлуки с Фэдом прошли для Ольги сплошной чередой темных, унылых дней, похожих, как две капли мутной воды, однообразных, как тюремные будни. Словно в черном глухом мешке оказалась она – без света, без воздуха, где все теряет силу: и трагедия, и драма, и отвратительный фарс, и глумливый водевиль. Все мешается с тяжелой, дикой душевной болью – до надрыва, до роковой черты, и эта боль все краски делает серыми, заслоняет собой все события, стирает их из памяти, беспощадной кистью проходится по полотну жизни, оставляя после себя безликие разводы, сплошную мрачную пелену. На такую «картину» и смотреть-то не хочется – от нее в дрожь бросает, в холодный пот.

Это была агония, которая, однако, не закончилась смертью. Видно, не такой срок отмерил Ольге высший судья. Удержалась она от последнего шага, устояла на обрыве. Мысли о самоубийстве преследовали ее неотступно, особенно по ночам – наваливались, перехватывали горло, оседали на сердце черной тоской. Жизнь потеряла желанную прелесть, перестала быть нужной и сулила только страдания. Зачем же продолжать влачить существование без надежды, без будущего? Да, Фэд был прав, любовь сама по себе оказалась бессмысленной. Но она придавала смысл *всему*, к чему прикасалась. Ее волшебная сила превращала камни в алмазы, а огни ночных улиц – в звездные россыпи. Ее крылья простирались в такую высь, что дух захватывало, и внезапное, стремительное падение на грешную землю сделало Ольгу калеккой. Не тело она повредила, нет, – разлетелся в прах ее замок из золотого песка, ее хрустальный мир, где она встретила красивого и нежного принца, который обернулся вдруг чудовищем. Золушке было легче! Когда часы били полночь, ее шикарная карета превращалась в тыкву, а платье из кружев и атласа – в грязные, измазанные сажей лохмотья. Но не исчезал, не становился чужим и равнодушным ее возлюбленный, не отвергал ее чувств, не отворачивал надменного лица.

Что не позволило Ольге уйти из постылого бытия? Она не понимала. Подсознательно притягивая гибель, она отталкивала от себя счастье, не использовала предоставляемые жизнью возможности, не искала выхода из тупика, и этим беспросветным унынием, этим отречением от мирских радостей навлекла на себя теперь уже физический удар. Ту самую злополучную аварию. И опять не наступило милосердное облегчение смерти – видно, не все, предначертанное рукой судьбы, еще сбылось.

– Не всю чашу слез и горя ты испила, Оленька, – шептала она, мечась в жару на больничной койке. – Не осушила ее до дна...

До той страшной поездки в маршрутном такси она бросалась из одной крайности в другую – уходила из дома, ища успокоения у природы, селилась в заброшенных деревнях, в лесных

сторожках, в безлюдье. Делала черную работу, изнуряя себя, питалась хлебом и водой, картошкой, грибами и ягодами. Иногда казалось – от усталости, от телесного истощения – сознание заволакивает спасительное забытие. Но стоило взгляду упасть на тонкий лесной колокольчик, на тихий пруд, заросший кувшинками, вдохнуть медвяный аромат таволги, услышать невольно соловьиную трель или теньканье синиц, увидеть молодой месяц на ясном небе, как снова просыпалась сердечная тоска, сладко и мучительно ныло в груди, и начинала кровоточить, болеть незажившая рана, напоминая о себе приступами острого отчаяния и горчайших сожалений, которые не давали ни уснуть, ни каким-либо другим способом отвлечься от прошлого.

Особенно тяжелыми ночами Ольга выходила из деревенского дома, садилась на землю и часами смотрела в черную пустоту неба, взывая о помощи к кому-то неведомому, который таился за этой бездонной тьмой, за этими мерцающими звездами, за этим непостижимым безмолвием. Но молчание небес не могло утешить ее.

Есть люди, любящие вскользь, поверхностно, не опускаясь в бездну собственных чувств, они легко принимают разлуку, пускаются на поиски новых приключений, легко меняют партнеров. Есть люди, которые любят самоотверженно и преданно, отрекаясь от собственных желаний во имя предмета своей страсти, готовые многое положить на сей священный алтарь.

Есть такие люди, как Ольга, им всего и всегда мало, они стремятся в недостижимые дали, тоскуют о любви необыкновенной, всепоглощающей, которая сжигает их, как жадное, голодное пламя пожирает сухой хворост, оставляя после себя лишь невесомый, летучий пепел. Этот живой костер красив и опасен: жарко горя, он образует выжженное пространство, где нет места ни цветку, ни травинке.

Однажды в полуразрушенный деревянный дом, где обитала Ольга, забрела блаженная странница, высохшая, седая как лунь старуха в драной одежке, в пыльных сапогах, с холщевой сумой на плече, с посохом.

– Можно мне переночевать у тебя? – спросила она кротко. – Притомилась я.

– Ночуйте, – равнодушно кивнула Ольга. – Места хватит.

Станница направлялась в расположенный неподалеку монастырь, грехи замаливать.

– Мне пора в иную дорогу собираться, – кряхтя, поделилась она с Ольгой своими замыслами. – Хочу душу облегчить. С грузом-то идти туда негоже.

– Куда «туда»?

Старушечка подняла на молодую женщину выцветшие глаза, покачала головой.

– В царствие небесное... – махнула неопределенно костлявой рукой. – Где ждут нас Господь со святыми ангелами. Они велют земное на земле оставить!

– Это что же именно? – не сразу сообразила Ольга.

– Злобу, зависть, ревность, горе горькое да соленые слезы. Вот ты погляди на себя-то, девка, – какая лихоманка изнутри тебя точить? Какая бяда сушить? Истаешь, как свечка у образов. Надо покаяться, спасения попросить. Бог милостив, простит!

Всю ночь Ольга не сомкнула глаз, слушая старухины байки про монастырское житье-бытье, и к утру решила идти вместе с ней. А вдруг и правда избавят ее от непосильных страданий молитвы святых затворниц?

Монастырский двор поразил Ольгу запустением, а храм и несколько келий, в которых ютились монахини, – убожеством. Пищу готовили на большой холодной кухне с закопченным потолком, в русской печи, еда была самая простая: овощи, кислый хлеб, постные щи. В коровнике мычала пара тощих коров, в курятнике возились куры.

Лица монахинь, землистые и одутловатые, наводили на Ольгу суеверный страх. Ей казалось, что и она станет такой же, наполовину мертвой.

«А разве я еще существую? – спросила она себя. – Разве я не отказалась от всего, что привязывало меня к жизни?»

Эта мысль побудила ее остаться. К суровому быту она уже привыкла, надеялась приспособиться и к здешнему укладу: работа, молитвы, опять работа.

За столом, во дворе или в храме монахини старались не встречаться с Ольгой взглядами – поспешно отворачивались или низко наклоняли голову. Странница же чувствовала себя среди них, как рыба в воде.

– Почему они на меня не смотрят? – спросила у нее Ольга.

– Красота твоя их смущает, – охотно пояснила та. – Бережит душу. У дьявола для нас приготовлено искушений без счета! Вот сестры и опускают очи долу.

Ольга украдкой достала спрятанное в келье зеркальце – такие предметы в монастыре не приветствовались, – и стала изучать черты своего лица. Красота... от нее остались только тонкие линии щек и лба, изысканный рисунок губ, черные брови вразлет, затаившийся в глазах блеск. Этого достаточно, чтобы заронить у послушниц искры соблазна.

«Что их привело сюда? – думала она, ворочаясь без сна на твердой постели. Слышно было, как шумит за монастырским забором лес, зловеще кричат ночные птицы. – Что заставило этих женщин укрыться от мира? Грехи тяжкие или искреннее желание святого служения?»

Странница молилась истово, то стоя на коленях у скромного иконостаса, то простираясь вниз лицом на холодных плитах каменного пола. Ольга пробовала подражать ей, но у нее не получалось: болели коленки, сырость пробирала до костей. Начался кашель, а лекарств в монастыре не водилось. Здесь бытовало мнение, что исход болезни, равно как и здоровье, – в руках Господа; таблетки же и снадобья – от лукавого.

Неустанные молитвы и покаяние не принесли Ольге облегчения. Дыша свечным и ладаным дымом, она глядела на черные, укоризненные лики святых, Богородицы и Иисуса, ощущая себя словно на скамье подсудимых, где от нее требовалось последнее слово признания вины и отречения от нечистого прошлого. Но Ольга, делая мучительные усилия, не могла решиться ни на одно, ни на другое. Задыхаясь от невозможности простить, от жгучей обиды и тайной жажды мести, она чувствовала себя притворщицей, которая пытается обмануть самого Спасителя, тем самым не избавляясь от греха, а приумножая его стократ. Ужасные мысли одолевали ее, а смирение и тихая покорность монахинь и послушниц только подчеркивали лежащую между ними и ею пропасть. Пребывание в монастыре превратилось для Ольги в пытку, и святая обитель стала казаться ей адским пеклом.

Ранним бесцветным утром, под карканье ворон, ищущих пропитания в мокрых черных бороздах монастырского огорода, она украдкой покинула сей милосердный приют и пустилась по разъезженной проселочной дороге куда глаза глядят. В глубоких колеях стояла вода; ноги Ольги проваливались в грязь и скоро промокли, грудь сотрясалась и болела от кашля, но пуще всего ныла, исходя кровью и смертельной тоской, ее неприкаянная душа. «Почему жизнь так несправедливо обошлась со мной? – думала она между приступами дурноты и удушья, обливаясь под заимствованной у святых сестер телогрейкой болезненным потом. – Посулила невиданное счастье, поманила, вознесла в небеса – и разжала божественную длань, низринула меня с заоблачных высей в смердящее болото?»

Словно подтверждая эти крамольные мысли, хлюпнула дорожная жижа, куда провалилась Ольга ногой по самое колено, поскользнулась, не удержалась и упала в липкую холодную грязь – всем своим дрожащим от озноба телом.

Каждый раз, возвращаясь памятью в тот серый осенний день, она переживала его с неослабевающей силой и с трудом обретала ощущение настоящего момента, понимания, что не в дорожной колее лежит она, теряя сознание, погружаясь в глухую, темную безысходность, а сидит в кресле у окна и видит узкий, мрачный петербургский двор-колодец. Не сразу доходило до Ольги, где она находится и как много воды утекло с тех пор.

Она ошибалась, полагая, что все осталось в прошлом. Очевидно, ей еще предстояло некое свершение, некая миссия, ради которой она выбралась из той грязи, выжила, оправилась от

тяжелейшего двухстороннего воспаления легких, вернулась в город, увиделась с матерью, проводила ее в последний путь, стала влачить одинокие, бессмысленные дни, механически выполняя предписанные обществом действия, мечтая при этом о смерти, как о блаженстве полного беспамятства, пока не встряхнула ее новая беда – автомобильная катастрофа, увечье, операции, инвалидность.

Ей пришлось продать квартиру на Лиговке и переехать сюда. Потекло пустое, ненужное время: одни и те же повторяющиеся ритуалы обслуживания своего немощного, искалеченного тела, вперемежку с мыслями, тяжкими, как гранитные глыбы. Рассвет, закат, ночь и снова день, дождь за окном, мокрый снег, сырой петербургский туман. Зачем? И тут, кажется, на Ольгу снизошло озарение: ради чего рука судьбы раз за разом удерживает ее на этом свете.

* * *

У Грёзы состоялся с Виктором серьезный разговор.

– Почему бы нам не пожениться? – неожиданно спросил он за завтраком.

– С какой стати? – нетактично удивилась она.

– Мы с тобой люди простые, никому не интересные, – начал издавека «жених». – Особенно ты. Кто с тобой считаться будет? Запрут на самую окраину Питера, куда-нибудь в Девяткино или Рыбацкое, и будешь там куковать одна-одинешенька!

Она молча уставилась на него, даже чай пить расхотелось.

После того, как стало ясно, что дом со дня на день перейдет в частную собственность того самого господина, который приезжал знакомиться со всеми законными жильцами и предложил им обдумать варианты расселения, Виктор стал проявлять к молодой соседке повышенное внимание – заходить на чашку чая, на ужин или на обед, угощать деликатесами и хорошим вином, делать неуклюжие комплименты. Вот и сегодня он явился ни свет ни заря, принес свежий кекс с изюмом и сливки, напросился на завтрак.

– А если мы поженемся, то... что? – осторожно вымолвила Грёза.

– У меня есть кое-какие связи, – оживился Виктор. – Я ведь раньше в полиции работал, в уголовном розыске.

– Кем?

– Оперативником, – почему-то смутился он. – До высоких чинов не дослужился, да и молод я, как видишь. В общем, не по мне занятие оказалось! Не люблю я за мизерную плату сутками по городу мотаться, добро бы хоть на машине, а то зачастую – на своих двоих. И никакой благодарности – ни от граждан, ни от начальства! Сейчас у меня, по крайней мере, зарплата сдельная, от количества проданного товара: больше посуетился, больше получил. А там... – Он с сердцем вздохнул, махнул рукой. – Но знакомства остались, можно обратиться за помощью... в случае чего. Так что со мной не пропадешь. Царских палат не обещаю, но приличную жилплощадь мы себе у богатого дяденьки выторгуем.

Грёза склонила голову набок, улыбнулась.

– Значит, ты мне предлагаешь вступить в брак из-за жилищного вопроса! – с деланным возмущением воскликнула она. – Так получается? Сплошная меркантильность и никакой романтики.

Виктор залился краской.

– Ну... вообще-то, ты мне нравишься, – невнятно пробормотал он, еще больше краснея. – И характер у тебя покладистый. Думаю, мы поладим.

– И это все? – разочарованно протянула Грёза.

«Не тот ли это белый король, которого не хватает в моих шахматах и в моей жизни? – вдруг подумала она. – Я ведь просила его подать весточку о себе – вот он и откликнулся». Хотя... слишком уж не похож оказался парень-сосед, бывший полицейский, ныне торгующий

на рынке, на белого короля. Лицо круглое, в веснушках, нос курносый, лоб низковат, волосы жесткие, курчавые. Где же благородная осанка, волевой подбородок, проницательный взгляд и хорошие манеры? Пришел, называется, предложение девушке делать – в футболке, в спортивных штанах, вытянутых на коленках, и в тапочках на босу ногу. И... нате вам кекс в подарок вместо цветов и золотого колечка. Грёза, конечно, считала себя непритязательной. Но не до такой же степени?!

Пребывая в детском доме, она давала волю своему воображению, рисуя себя отнюдь не замарашкой и нищенкой. «Хотя бы в мечтах человек должен видеть то, чего ему хочется!» – повторяла она как заклинание. И теперь, играя шахматными фигурами, доставшимися ей в наследство от покойной Фаины Спиридоновны, Грёза наделяла их подлинными характерами, представляя в лицах то чувства пылкого рыцаря, то размышления влиятельного царедворца, то жажду любви и волнующих приключений прекрасной белокурой королевы-ферзя. В глубине души она примеряла этот чудесный образ на себя, не осмеливаясь признаться, что именно такой красавицей она желала бы оказаться, если бы чья-то всесильная рука могла перенести ее из одного мира в другой. Естественно, ее ошеломил контраст между придуманной ею волшебной сказкой и грубой, без прикрас, действительностью. Ей предлагают руку и сердце ради переезда в приличную квартиру в более-менее хорошем районе. «Мы поладим». Вот так признание в любви! Проще не бывает. Неужели Виктор и есть ее белый король?

– Ну уж нет! – заявила Грёза, адресуя протест скорее самой себе, нежели «жениху».

– Понятно! – взвился молодой человек. – «Лучшие друзья девушек – это бриллианты!» – фальшиво пропел он фразу из популярной песенки. – А я не смогу дарить тебе дорогие подарки, возить на Багамы и... тьфу ты! Все вы, бабы, одинаковые, где бы ни выросли – в шелках и бархате или на помойке! Вам только деньги подавай! Я думал, детдомовская девчонка сумеет оценить заботу, моральную поддержку. Да, заработок у меня не ахти какой! – кипятился Виктор. – Но у тебя-то и такого нет! Вон, тапочки истерлись... а новых купить себе не можешь.

Кот Никон, обеспокоенный повышенным тоном гостя, проснулся, приоткрыл один хитрый глаз и наострил уши. Шерсть на загривке встала дыбом. Кот сердито мяукнул, спрыгнул с табуретки и зашипел.

– Ах ты, гад! – окончательно рассвирепел «жених». – Кто тебе покупает твою вонючую рыбу? Дождешься теперь у меня угощения, держи карман шире!

Виктор вскочил, пнул ногой Никона и ринулся прочь из кухни.

– Не смей обижать животное! – крикнула ему вдогонку Грёза и... заплакала. Заливаясь слезами, она взяла кота на руки и прижала к себе. – Не такой нам нужен мужчина, правда, Никон? – причитала девушка, всхлипывая и шмыгая носом. – Он нас каждым куском попрекать станет, каждой копейкой! Лучше мы уж сами о себе позаботимся.

Никон доверчиво прижался к ней, пригнулся и замурлыкал.

Поглаживая кота по мягкой шерстке, Грёза призадумалась, вспомнила разговор с человеком, который собирался приобрести их дом. Похоже, продажа дома – дело решенное. Значит, скоро переезжать придется, как ни крути. А куда, на каких условиях? Кстати, как будущий хозяин назвал себя? Господин Ирбелин... красивая фамилия. Не то, что у Грёзы – Субботина, или у Виктора – Лопаткин.

Свою фамилию Грёза получила в доме малютки, куда непутевая мамаша подбросила ее как раз субботним утром: оставила ребенка на пороге и скрылась. Когда младенца развернули, нашли в складках одеяльца обрывок бумаги с написанным шариковой ручкой словом – «Грёза». Видимо, мать дала ей это редкое, странное имя. Волю неизвестной родительницы решили выполнить, и появилась Грёза Субботина, по отчеству, данному наугад – Дмитриевна.

– Грёза Лопаткина, – произнесла она вслух, проверяя, как звучала бы ее новая фамилия.

И засмеялась. Слезы высохли. Перед глазами встал Ирбелин – представительный, вальяжный, с красивым, чисто выбритым лицом, аккуратно подстриженными седыми висками,

выразительным взглядом и повадками барина. Он вполне подходил на роль белого короля, если бы не возраст. И чем могла вызвать интерес этого человека какая-то дурнушка в войлочных тапках? Грёзе стало неловко, когда она вспомнила, что едва не налетела на Ирбелина, и как он отшатнулся, попятился, наверное, испугавшись, что прикоснется к ней рукавом дорогого пальто. От этого мужчины исходил приятный аромат, присущий респектабельной, обеспеченной жизни, которая Грёзе и не снилась. Она и Ирбелин были слишком чужими, отдаленными друг от друга – их разделяли мировоззрение, уровень достатка, общественное положение и еще уйма неопределенных вещей, создающих бездонную пропасть, пролегающую между такими, как она и он. И моста через сию пропасть не сыскать.

– Вы... здесь живете? – почему-то спросил Ирбелин.

– Ага, – робко кивнула Грёза.

Он заложил руки за спину, отступил назад, без стеснения рассматривая ее с ног до головы. Неодобрительно хмыкнул, жестом велел дюжему охраннику следовать за ним, неторопливо повернулся и пошел. Грёза застыла как вкопанная, глядя ему вслед. Он приостановился и мельком оглянулся, окинув ее напоследок ледяным взглядом. Повторяя движение босса, оглянулся и телохранитель, брезгливо скривился. А какую же еще реакцию могла вызвать жалкая фигурка напех причесанной девицы в выдавшей виды жилетке, в перешитой юбке, заштопанных колготах и теплых носках?

Чувствуя себя оплеванной, Грёза поспешила в свою квартиру, заперлась и дала волю слезам. Неужели она не выплакала их все в детстве, вздрагивая от рыданий, свернувшись клубочком на казенной кровати и наконец засыпая? Очевидно, горе неиссякаемо, в отличие от радости.

– Господи! – опомнилась она, вскакивая и спуская Никона на пол. – Мне же старушек кормить пора! А я тут нюни распустила! Какого черта, спрашивается? Молодая, здоровая, как не стыдно?! – шепотом корила она себя. – В мире столько больных и калек, голодных, несчастных, умирающих людей, бездомных, которым голову приклонить негде! Мне ли жаловаться на судьбу? Мне ли бога гневить?

Отчитывая себя за непрошеную слабость, Грёза принялась разогревать обед, нет-нет да и возвращаясь мыслями к встрече с Ирбелиным. А вдруг вопреки всему это и есть *белый король*?

День, как обычно, прошел в хлопотах. Полина расхворалась, и Грёза уложила ее в постель, дала таблетку, принесла грелку.

– Посиди со мной, – попросила пожилая женщина. Она говорила громко, как все, кто плохо слышит. – Что-то мне твои глаза не нравятся. Плакала, что ли?

– Нет... это я так... плохо спала.

– Да ну? – не поверила Полина. – Обманывать нехорошо. Из-за чего слезы лила? Небось сердечный друг огорчил? Запомни, дочка, – мужчины наших слез не стоят.

– Нет у меня сердечного друга, – насупилась Грёза. – Давайте лучше поговорим о... шахматах.

– Ладно, – согласилась больная. – Мне отец в детстве все уши прожужжал этими шахматами, вот не думала, что когда-нибудь пригодится. Жаль, развлекать мне тебя больше нечем. А о чем рассказывать-то?

– Что за игра такая, откуда взялась? – брякнула Грёза, лишь бы не думать о Викторе, об Ирбелине, не допускать запретных мыслей.

– Забава сия древняя, происхождение ее покрыто мраком, – послушно начала старушка. – Некоторые считают родиной шахмат Египет, другие – Индию, а самые смелые предполагают, будто появились они на Земле не случайно: привезли их, мол, космические пришельцы. Древние римляне, например, приписывали изобретение шахмат самим богам. Дескать, однажды бог войны Марс пленился красотой дриады Каиссы, вспылал к ней страстью и, дабы привлечь

внимание чудной девы и добиться ее взаимности, придумал такую игру. До сих пор Каиссу называют покровительницей шахмат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.